

Услышав это, мужчина на мгновение нахмурился, но на лице его появилось выражение понимания, словно он был рад мудрости Синь Линьхуа, и он поспешно ответил:

— Хозяин, вы все продумали до мелочей, я не могу с вами сравниться.

Синь Линьхуа был погружен в свои блестящие планы, но вдруг вспомнил о чем-то и спросил:

— Кстати, ты знаешь, кто тот юноша, который следует за госпожой Синь?

— Докладываю хозяину, это шуан от наложницы из семьи госпожи Синь, мужчина-шуан по имени Гу Чжису.

— Мужчина-шуан? — Услышав это, в глазах Синь Линьхуа появилось больше расчетливости, и он продолжил спрашивать. — Он близок с Гу Хайтан?

Мужчина внимательно задумался, через мгновение ответив:

— Слышал, что у него слабый и добрый характер, обычно он позволяет мисс Гу издеваться над собой и никогда не дает сдачи.

Услышав о характере Гу Чжису, в голове у Синь Линьхуа сразу родилась идея. Он холодно усмехнулся и произнес:

— Значит, всего лишь слабый и беззащитный шуан от наложницы... В качестве пешки сойдет, хотя и не идеально, но лучше, чем ничего. Не знаешь, что он любит?

— Слышал, любит... кисти, тушь, бумагу и тушницу?

— Тот, кто любит кисти и бумагу, наверняка ценит таланты... Это просто. — Синь Линьхуа, немного подумав, легко нашел способ познакомиться с этим шуаном. На его губах появилась насмешливая улыбка, и он с глубоким смыслом пробормотал. — Раз сегодня не удалось увидеть Гу Хайтан, тогда можно увидеть этого вялого шуана. Возможно, нас ждет неожиданный сюрприз.

Когда у него созрел план, Синь Линьхуа поправил свое платье, немного определил направление, принял вид покорного и смиренного человека и направился в сторону Зала Янсинь:

— Пойдем, сначала навещу моего брата-императора.

Празднование праздника Долгой ночи во дворце началось вечером. Когда Гу Чжису, следуя за госпожой Синь, беседовал с другими знатными дамами и обменивался любезностями почти два часа, император наконец-то появился и сел на почетное место. Рядом с ним сидела бледная императрица, а также Драгоценная наложница Гу, которая, хотя и присутствовала, не могла удержаться от кашля. Под императрицей сидел слабоумный Наследный принц Синь Юань, который в этот момент грыз пальцы и широко распахнутыми глазами смотрел на всех.

Когда все совершили земной поклон императору, Гу Чжису, держа за руку Гу Чжицзин, сел позади госпожи Синь. Он довольно рассеянно смотрел на этих министров, которые один за другим подходили к императору с поздравлениями и тостами. Вскоре ему стало скучно, и он тайно вздохнул. Его взгляд скользил по водяным часам у стены и постепенно становился все глубже и мрачнее.

Император сегодня пришел, но выглядел безразличным, он только пил вино и не касался еды.

Императрица была занята тем, что крепко держала наследного принца, так что у нее не было времени для других. Драгоценная наложница Гу постоянно кашляла и полоскала рот. Министры внизу, видя такую картину, боялись громко дышать. Только когда император встал и ушел вместе с императрицей, а Драгоценная наложница Гу последовала за ними, атмосфера снова оживилась.

Гу Чжису увидел, что после ухода императора госпожа Синь тихо встала. Переглянувшись с Гу Вэньмянем, сидевшим напротив, она прошла мимо него и направилась к выходу из зала, явно собираясь навестить Драгоценную наложницу Гу. Гу Чжису тут же выпрямился, выдохнул, что-то сказал Гу Чжицзин, а затем встал и направился в темноту под колоннами.

Синь Линьхуа сидел ниже императора. Увидев, что император, который явно был в плохом настроении, так быстро ушел вместе с императрицей, он на мгновение задумался, собираясь узнать причину в частном порядке, но его взгляд невольно упал на уходящую спину Гу Чжису. Это заставило его замереть, а затем у него возник интерес. Он оглянулся и отдал несколько приказов стоявшему сзади мужчине, затем встал и один тихо последовал за ним.

В это время Гу Чжису из-за беспорядка в мыслях не заметил, что за ним кто-то следует. Пальцы в его рукавах постепенно сжимались с каждым шагом. Медные колокольчики, подвешенные под крышей длинного коридора, звенели под холодным ветром, издавая глухой звук. Шаги медленно скользили по холодному камню и в конце концов ступили на более мягкую землю.

Небо словно окунули в чернила, слой за слоем темнея. Свет свечей не мог сравниться с круглой луной. Серебристый мягкий свет падал с верхушек деревьев, смешиваясь с постоянно падающими бледно-голубыми лепестками, которые опускались на его брови и губы, словно холодные и мягкие поцелуи.

Как и в огне прошлой жизни, когда он медленно наклонился, и его губы с последней каплей слез коснулись уголка губ того человека, тот самый поцелуй.

Он медленно остановился под деревом груши и не мог не поднять голову, закрыв глаза. Казалось, он мог видеть момент их первой встречи в прошлой жизни, когда тот человек с улыбкой держал цветок груши и спрыгнул с дерева. Его темно-синие глаза были полны мягкого лунного света, и он так молча и пристально смотрел на него.

Пальцы скользили по грубой коре дерева. В ушах слышался лишь шелест. Его настроение постепенно успокоилось, взгляд следовал за танцующими лепестками, пока вдруг не коснулся края одежды, и он резко остановился.

В темноте свет луны был ярким.

Черная накидка была небрежно брошена на ветку, свисая край одежды, расшитого драконами, который качался на ветру, несущем запах цветов. Он словно загипнотизированный резко поднял голову и посмотрел на ветку. Среди облаков цветков, похожих на снежные комья, там, прислонившись боком, находилась фигура. Сжатая ладонь резко разжалась.

В тот миг, когда свет и тень переплелись, тот человек, казалось, проснулся от его шагов. Он опустил лицо и, глядя через просветы между ветвями, бросил взгляд на его лицо. Ветка груши, зажата между пальцами, вдруг дрогнула и упала, точно на его черные волосы.

Лунный свет осветил лицо юноши под деревом. Холодный ветер закрутил полы одежды, а изящный и нежный цветок груши, воткнутый в волосы, делал это и так прекрасное лицо еще

более прозрачным, словно ледяная яшма. Казалось, всего за одно мгновение можно было легко потерять голову от волнения.

Он слегка дрожа поднял свои пальцы и только коснулся мягких холодных лепестков груши, как перед глазами вдруг посыпались снежные лепестки груши, словно внезапно начался дождь из цветов. И когда он, застигнутый врасплох, закрывал глаза, высокий и стройный силуэт плавно спрыгнул с дерева, схватив накидку с ветки.

— Ты взял мою грушу, так должен дать мне что-то в качестве компенсации.

Он в один миг задержал дыхание и мог только пристально смотреть на близкое лицо, живое и улыбающееся.

В следующий миг он почувствовал облегчение в поясе — человек уже поднял нефритовую подвеску и, улыбаясь, смотрел на нее при лунном свете.

— Эта нефритовая подвеска с двумя рыбами совсем неплоха.

Весь человек словно упал в глубокий сон, его взгляд не хотел отрываться от лица того человека. Не зная, как же он сдержал дрожь в голосе, он использовал тональность, полностью идентичную прошлой жизни, и так же, как в прошлой жизни, ответил на слова человека:

— Нельзя ли дать что-то иное, помимо этой подвески с двумя рыбами?

Как только голос упал, он мгновенно почувствовал, что тот человек, казалось, приподнял бровь, а улыбка в уголках губ стала глубже.

Видя, как лицо наклоняется, тонкие губы открываются и закрываются у его уха, слово за словом выдыхая горячее дыхание:

— Раз я присмотрел это, значит, оно мое.

Как только эти слова упали, холодный рукав человека скользнул мимо его руки. Он инстинктивно потянулся схватить, но поймал лишь пустой холодный ветер.

Человек поднял нефритовую подвеску. На его прекрасном лице в глазах вспыхнул ослепительный свет, словно звезды на небосводе.

— Эта подвеска — пусть будет символом нашей любви.

Гу Чжису стоял под тем деревом груши, пристально глядя, как удаляется его фигура, пока она не исчезла в темноте, и лишь затем резко закрыл глаза и с хриплым голосом тихо позвал:

— Чанъань...

Воспоминания постепенно размывались в летящих лепестках груши, оставляя только улыбающиеся губы того человека, обращенные к свету, и слегка хриплый, спокойный голос.

— Мой второй имя — Чанъань. В дальнейшем звать меня Чанъань.

— Разве тебя не зовут Юанъань? Как же имя и прозвание совпали?

— Это имя, которое мне оставила мать-наложница.

Синь Юаньань: Мама, я видел фею груши! [С лицом похотливого фаната] Я хочу спуститься с дерева и забрать его с собой!

Гу Чжису: [Приподнимает бровь] Что ты не спустишься быстрее! Живо сорви мне грушу! [Не могу вытащить ее из волос]

<http://bllate.org/book/16652/1525649>